

НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОШЛОЕ

Из истории философских форумов

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС¹

(Гейдельберг, 31-го августа – 5-го сентября 1908 г.)

Н.А. ВАСИЛЬЕВ

VII.

Познакомимся теперь с некоторыми докладами, читавшимися в секциях.

В секции по истории философии Элеутеропулос сделал доклад «Die Vorsokratiker Physiker». В нем он доказывал, что первые греческие философы вовсе не были только натурфилософами, что они исходили главным образом из этических и общественных проблем.

Вернер в докладе «Философия ценности у Сократа и Платона» сослался на Гура, который показал, что познание сущего совершается индуктивным путем, познание ценности – дедуктивным.

Между тем Сократ применял к познанию ценности индуктивный метод, а Платон применял к обеим областям познания одинаково метод дедуктивный.

Интересен был доклад Эриха Шмидта «Отношение Шопенгауэра к мистике». Докладчик указал на влияние мистики на философскую систему Шопенгауэра.

В своем докладе «Зародыш Кантовских антиномий у Лейбница» von Viéna указывал на аналогию между двумя первыми антиномиями Канта и теми рассуждениями, которыми Лейбниц возражает Кларку. Антиномиями Кант хотел доказать феноменальность мира опыта, хотел подтвердить трансцендентальную эстетику. Лейбниц доказывал способом приведения к нелепости как раз обратное. Если время и пространство суть наши интуиции, то наш дух неминуемо приходит к нелепостям, значит время и пространство суть только отношения.

Ксавье Леон сделал доклад «Фихте и la loge royale в Берлине». В нем он очень подробно излагал франкмасонские отношения Фихте к Фесслеру, которые были отчасти скрыты самим Фесслером и на которые недостаточно внимания обратил сын Фихте, издатель его писем.

В секции общей философии привлек всеобщее внимание и возбудил живые прения доклад Дриша «О понятии природы».

Он представлял из себя талантливую и интересную защиту витализма. Докладчик на основании экспериментальных данных относительно морфогенезиса, регенерации и тому подобного приходит к тому заключению,

что жизнь не может всецело объясняться из механизма, что жизнь «автономна». Механическое мировоззрение смотрит на природу как на комплекс факторов, локализованных пространственно и действующих в пространстве, и не признает никаких других факторов. В противоположность этому докладчик считает нужным признавать в явлениях жизни особые факторы, которые он называет аристотелевским термином «энтелехия». Энтелехии не протяженны и не локализованы в пространстве, но действуют в пространстве.

Можно показать, что энтелехии не являются видом энергии и не зависят от констелляции вещества. Они могут быть только мыслимы, но не представляемы наглядно, они будут *noümena* в кантовском смысле этого слова.

Сообразно с этим придется изменить и определение природы: «Природа есть совокупность тех факторов и их следствие, которые имеют отношение к пространству, все равно пространственны или непространственны эти факторы». Поэтому энтелехии относятся к природе. Зато природа резко отграничивается от сознания, так как сознание не есть пространственный процесс. Поэтому психология не есть естественная наука. Но, с другой стороны, действие этих энтелехий становится нам понятным только через психологические параллели.

Сообразно с этим Дриш желает исправить кантовские категории отношения и наряду с субстанцией (ингеренцией) и причинностью вместо взаимодействия предлагает категории индивидуальности. Эта категория индивидуальности лежит в основе явлений жизни так же, как категории субстанции и причинности в основе явлений мертвой природы. Путем такого расширения понятия природы Дриш считает возможным переход от естествознания к метафизике и выработку единой картины мира, образчиком которой служит, например, гегелевская. Но для создания такой метафизики нужно исходить из более полного понятия природы, чем то, какое господствует теперь.

В секции психологии общий интерес возбудил доклад Кюльпе «К учению о чувстве». В Вюрцбургском университете Кюльпе производил опыты над представимостью чувства. Общие результаты были таковы: 1. Кроме нескольких сомнительных случаев не наблюдалось представлений удовольствие и неудовольствие. 2. Все индивидуумы, над которыми производились опыты, представляли себе целиком или частью напряжение и возбуждение. 3. Чувство удовольствия и неудовольствия или переживалось вновь, возобновлялось или имелось просто ненаглядное знание о таковом; из этих опытов Кюльпе выводит, что непредставимость есть критерий чувства, что нельзя рассматривать удовольствие и неудовольствие как ощущение, напряжение и возбуждение нельзя рассматривать как чувства.

Кальдерони прочел доклад «Ожидание и воля». Обычно определяют волевые акты как такие, которые производятся представлениями. Но это определение ошибочно, ибо никто не сочтет волевыми актами автоматические действия, вызываемые образами. Волевые акты — это те акты, которые имеют своей причиной ожидания и предвидения тех или иных последствий, связанных с этими актами.

Palagui в своем докладе о прерывистости сознания желал доказать довольно парадоксальное положение, а именно, что наше сознание прерывисто. Вся его аргументация была основана на смешении внимания с сознанием, и из прерывистости внимания он заключал о прерывистости сознания.

Доклад Бове «Психология и логика суждения по работам Вюрцбургской школы» касался взаимоотношения психологии и логики мышления и работ так называемой Вюрцбургской школы (Marbe, Messer, Bühler).

Доклад Шульце «К экспериментальной психологии мысли» касался особого рода ненаглядных мыслей, которые автор называет *Bewusstheiten* и которые он пытался устанавливать экспериментально. Этот доклад по своему содержанию примыкал к работам Вюрцбургской школы.

В секции логики и теории познания было много неокантианских докладов. Приват-доцент Ласк читал доклад: «Есть ли примат практического разума в логике?» Автор того мнения, что познание имеет дело с ценностями, но что понятие ценности должно быть отделено от понятия нормы. Поэтому нужно настаивать на том, что познание имеет характер ценности, но вовсе не этический характер.

Наш соотечественник Яковенко, студент в Фрейбурге, читал доклад «Что такое трансцендентальный метод?», в котором он обвинял в психологизме самого вождя Марбургской школы Когена, как известно, придерживающегося ультралогического направления в теории познания. Ительсон, русский, живущий в Берлине, сделал доклад «Разделение познания на отдельные науки». В своем докладе Ительсон так определяет логику: логика есть наука о предметах вообще. Далее он указал, что знаменитое Виндельбанд-Риккертовское разграничение наук о природе от наук исторических первоначально дано было фикстеанцем Harms'ом и развито им в сочинении *Psychologie in ihrer Geschichte*, но что теперь Harms забыт и никем не цитируется.

Реу в своем докладе «Априори и опыт в научных методах» указал, что современная наука совершенно изменила понятие «априори». Априори прежде означало необходимое, всеобщее, вечные истины, а опыт рассматривался как преходящий, относительный и случайный. Но теперь из трудов Пуанкаре и Дюгема следует, что априори состоит из произвольных построений нашего ума.

Из остальных докладов упомянем доклады: Тумаркина (русская, приват-доцент в Берне) «Критическая проблема в докритических сочинениях Канта», Куанье «Философия Бергсона», Древис (последователь Гартманна) «Реальность сознания», Козловский «Причинность как основной принцип науки о природе», Гельпах «Климат, погода и местность в их влиянии на здоровую и больную душу», Пиклер «Функция интереса при стремлении», Аарс «Ложь как условие нравственного развития», Штаудингер «К методологии этики», Тённис «Об одном методе исследований по нравственной статистике», Леман «Отношение педагогики к философии и психологии».

Кроме этого, было прочитано значительное число докладов, касающихся философии математики или отношений между философией и

математикой: доклад Манзiona «Гаусс против Канта относительно неевклидовой геометрии», Мюллера «Алгебра логики», доклады Винтера, Гёнигсвальда, Малли и т.д.

VIII.

Особенный интерес на III философском конгрессе возбудило обсуждение прагматизма. Так как русское общество мало знакомо с этим новым направлением английской и американской мысли, то я считаю необходимым вкратце рассказать его историю и его сущность. История его довольно любопытна.

В январской книжке «*Popular Science Monthly*» за 1878 г. американский ученый С. S. Peirce напечатал статью «Как сделать наши идеи ясными?» (статья эта появилась во французском переводе в *Revue philosophique, janvier 1879*). В этой статье Пирс доказывает, что единственная функция мысли — это создавать уверенность. Всякая уверенность создает известную привычку, является определенным правилом для наших действий. Поэтому, чтобы раскрыть смысл какой-нибудь мысли, нужно только определить тот образ действий, те практические последствия, к которым приводит эта мысль. «Нет оттенка в значении настолько тонкого, чтобы он не отразился на практике», Пирс так формулирует свой основной принцип: «Исследуйте, какие практические последствия может иметь за собой объект нашей мысли. Тогда мысль о всех этих следствиях и будет мыслью об этом объекте».

Другими словами, всякую мысль нужно понимать как сумму тех ожиданий и предвидений, которые вытекают из этой мысли. Это и есть принцип Пирса, канон прагматизма. Пирс иллюстрирует этот принцип конкретными примерами. «Постараемся отыскать ясную идею тяжести. Сказать, что тело весомо, это значит сказать, что оно упадет при отсутствии противоположной силы». Идея тяжести заставляет нас делать известные ожидания, ожидать, что если я возьму яблоко в руку и разожму ее, то яблоко упадет и т.п. В этих ожиданиях и состоит смысл идеи тяжести, самая идея будет знаком для этих и аналогичных ожиданий. Чтобы сделать идею ясной, нужно раскрыть все те ожидания, которые в ней подразумеваются. Прагматисты часто употребляют такую метафору: идеи — это кредитные билеты, практические ожидания — это то золото, на которое они размениваются и которое они заменяют.

Что такое идея силы? К каким практическим последствиям она ведет? К изменению скорости и направления движения. Значит, идея силы эквивалентна идее изменения скорости и направления движения. «Нужно ли говорить, что сила есть ускорение движения или что она является причиной ускорения?»

Это простой вопрос удобства терминологии, и он затрагивает истинный смысл мысли не больше, чем разница между французским выражением *il fait froid* и соответствующим английским *it is cold*. «Зная все проявления силы, мы знаем все факты, подразумевающиеся в утверждении существования силы, и больше нам нечего знать. Беда философов в том, что среди них существует туманная мысль о том, что каждый вопрос включает в себе такую сторону, которую нельзя знать».

Восемнадцать лет эта статья Пирса оставалась почти совершенно незамеченной. Ее прочли, но никто и не думал, что в ней заключается какое-нибудь философское открытие, что эта статья может дать начало целому философскому направлению.

Но около 1896 г. известный американский психолог Вильям Джемс объявил себя последователем Пирса, а его – родоначальником нового философского направления – прагматизма. Самый этот термин «прагматизм» Пирс, по его словам, употреблял в частных разговорах, начиная с 70-х годов.

Параллельно умственное течение шло и в метрополии.

Хорошо известно, что современная английская философия развивалась под преобладающим влиянием больших идеалистических систем континента, особенно Гегеля. В этом идеалистическом течении определилась особая струя, которая пожелала обособиться от других идеалистических течений, приняв особое название личного идеализма (Personal Idealism). Это направление подчеркивает значение личности, как несводимого и первичного феномена, подчеркивает значение волевой и активной стороны в нашей психике. Его главным представителем можно считать Гастингса Рашдаля.

Английский прагматизм развился из этого личного идеализма, наиболее видный его представитель Шиллер принадлежал сперва к кружку личного идеализма. В первых годах текущего столетия прагматизм получил широкое распространение в Англии и Америке, философские журналы полны статей о прагматизме, идет оживленная война между новым направлением и его критиками.

По мере того, как прагматизм распространяется, он усложняется, расчленяется на несколько течений, которые стараются обособиться, отграничиться друг от друга. С первого взгляда получается хаотическая картина, в которой невозможно разобраться. Сам отец этой новой философии Пирс недоволен своими последователями и, желая отграничиться от них, называет свою философию «прагматицизмом». Шиллер в свою очередь желает обособиться от других и называет свою философию гуманизмом (Humanism).

В общем, мне кажется, можно установить две основных разновидности прагматизма, и это деление логически вытекает из той теории познания, которой придерживается прагматизм. Эта теория познания резко враждебна как рационализму, так и кантовскому априоризму, она примыкает к классическому эмпиризму и позитивизму английской философии, к Локку, Беркли, Юму, Миллям². В этих английских философах видят прагматисты своих предшественников, они комментируют их исследования как чисто прагматические. «Критика материальной субстанции, данная Беркли», пишет Джемс, «совершенно прагматична». Мы испытываем от материи только ее цвет, фигуру, твердость, признание или непризнание материальной субстанции ничего не изменит в содержании нашего опыта. И феноменалисты, и реалисты на практике имеют одни и те же ожидания относительно события мира материального. При всем теоретическом разногласии они будут практически одинаково относиться к миру. Вопреки опасениям Гейне, жена Фихте вовсе не страдала от того, что ее

муж был абсолютным идеалистом. Поэтому идея субстанции как не ведущая к каким-нибудь ожиданиям, подтверждаемым опытом, совершенно лишняя. Вообще нетрудно видеть, что так называемый принцип Пирса есть только крайнее развитие эмпирических принципов английской философии. С ожиданием постоянно оперирует Джон Стюарт Милль, из ожидания выводит он, например, веру во внешний мир.

Как крайний эмпиризм и позитивизм, прагматизм должен разделять все философские последствия позитивизма, а в особенности его отношение к религии. Если исходить из принципов позитивизма, то строго логически одинаково возможны и отрицание религиозных догм и вера в них. Позитивизм скептичен, но он, строго говоря, скептичен по отношению к рационалистической метафизике, к познанию разумом абсолютной истины. Наши познавательные способности не идут дальше нашего опыта, не могут его обогнать – вот на чем твердо стоит позитивизм. Дальше возможны два логических выхода: или совсем нельзя идти дальше опыта, или можно идти за пределы опыта, но не при помощи знания, а при помощи веры. История философии показывает нам, что скептическое отношение к возможности абсолютного познания очень часто обуславливало собой живую религиозную веру (напр., Паскаль). Мы видим, что эти логические возможности как раз и осуществились в прагматизме. Отсюда две разновидности прагматизма: одна отрицает и метафизику, и религию, ограничивая все человеческие убеждения системами ожидания, подтверждающимися опытом. Таково направление Пирса. Другая – ставит своей задачей, исходя из принципов прагматизма, оправдать религиозное сознание. Таков будет прагматизм Джемса и Шиллера. Остановимся несколько подробнее на этих разновидностях прагматизма.

Пирс признает одну только науку и старательно отрицает всякую метафизику. «Метафизика», говорит он, «вещь скорее курьезная, чем полезная. Знание ее, как знание подводного рифа, служит главным образом для того, чтобы быть в состоянии ее избежать».

Для него и для его последователей прагматизм будет главным образом критерием отличать проблемы, имеющие смысл, от бессмысленных.

Только те проблемы имеют смысл, которые могут повести к тем или иным ожиданиям, допускающим опытную проверку. Точно также два различных решения одной и той же проблемы различны только тогда, когда они ведут к различным практическим последствиям; если этого нет, то это не два решения, а одно, только выраженное различными словами. Этим принципиально исключаются всякие метафизические проблемы.

Проблемы эти объявляются не только неразрешимыми, но и нелепыми, ибо из них не вытекает ожиданий, допускающих проверку. Это заключение вытекает из того взгляда на истину, который развивается Пирсом. Пирс считает, что истина может быть выражена только в терминах веры или сомнения, он признает только субъективную истину. Истина же, которая не выражена в терминах веры или неверия, объективная истина – это такая сущность, о которой мы ничего не знаем и знать не можем, и которая лежит совершенно вне сферы человеческого рассуждения. Всякая вера заключается в установлении известной привычки, она

является правилом для наших действий, основанным на предвидениях и ожиданиях.

Верить — это значит ожидать. Верить, что лампа на столе, это значит ожидать, что я увижу ее всякий раз, когда буду смотреть в известном направлении. Раз истина состоит в вере, а вера в ожидании, то имеют смысл только те проблемы, которые могут быть выражены в терминах ожидания.

Отсюда вытекает и другое следствие. Смысл всякого предложения есть какое-нибудь утверждение относительно будущего. Один прагматист говорит: «хрупкий» — значит тот, который разобьется при известных условиях, «смертный» — значит тот, который умрет. Таким образом, множество предложений, которые кажутся не имеющими никакого отношения к будущему, на самом деле имеют такое отношение и являются ожиданиями. Таким образом, весь запас наших знаний сводится к ожиданиям. К ожиданиям сводятся все математические предложения. Два перпендикуляра к одной и той же прямой никогда не пересекутся, это есть ожидание, о чем свидетельствует и будущее время глагола даже в обычной формулировке этой истины.

Но и все остальные математические предложения могут быть выражены в терминах ожидания, как бы они ни были сформулированы.

Всякое общее предложение есть тоже ожидание, но только условное ожидание. Все тела протяженны. Смысл этого предложения состоит в том, что мы должны ожидать явления протяженности всякий раз, как испытываем явления телесности.

Это воззрение прагматизма имеет некоторые точки соприкосновения с учением Зигварта о том, что все безусловные общие суждения могут быть выражены в виде гипотетических суждений и что эта последняя форма выражения будет для них наиболее адекватной формой.

Такова в общих чертах та разновидность, которая примыкает к Пирсу. Она вполне последовательно отрицает всякую метафизику, и рационалистическую и религиозную.

У других прагматистов, в особенности у Джемса, прагматизм является методом, при помощи которого они стараются построить религиозную метафизику. И те и другие ссылаются на вышеприведенное правило Пирса. По этому правилу истина идеи, истина предложения заключается в тех практических последствиях, которые вытекают из этой идеи, из этого предложения. Но в слове «практический» лежит двусмысленность, которая и помогает по-разному понимать это правило Пирса. Слова «практика», «практический» имеют по крайней мере два смысла. Во-первых, мы говорим: практика противоречит теории, подразумевая под этим, что те или иные теоретические умозрения противоречат действительному опыту. Значит, в этом случае «практика», «практически» — значит «опыт», «опытный». Во-вторых, мы употребляем слова «практика», «практический» в смысле пользы, полезной деятельности и т.д. Благодаря этой двусмысленности слова «практический», «религиозные» прагматисты как Джемс и Шиллер, постоянно понимают слово «практический» во втором смысле, как синоним полезного, и поэтому говорят о том, что

истина полезна и что полезность есть критерий истины, и конечно, этим придают принципу Пирса совершенно другой характер, чем какой ему придавал сам Пирс.

Раз полезность есть критерий истины, то из полезности религии вытекает ее истинность. «Прагматизм расширяет область, на которой можно искать Бога»³. Из принципов прагматизма следует, что мы не можем отбросить какую-нибудь гипотезу, если из нее вытекают последствия, которые полезны для жизни. Но польза абсолютного доказана всей религиозной историей человека⁴.

Джемс менее всего ограничивает свой кругозор видимым миром, менее всего отрицает он потусторонний мир. «Я не думаю, что человеческий опыт есть высшая форма опыта, которая имеется в мире. Я думаю скорее, что мы стоим к мировому целому в таком же отношении, в каком стоят наши комнатные собачки и кошки ко всей нашей человеческой жизни. Эти наши любимцы принимают участие в сценах, о значении которых они не имеют никакого понятия. Они только касательные к кривым жизни, начало и конец которых, форма которых совершенно им недоступны. Так и мы сами – касательные к кривым высшей жизни.

Подобно тому, как многие из идеалов наших кошек и собак совпадают с нашими идеалами, что каждый день, вероятно, подтверждается в опыте собак и кошек, так и мы можем верить на основании доказательств, составляемых религиозным опытом, что есть Высшие Силы и что они стараются освободить мир так, как это соответствуем и нашим идеалам»⁵.

Наше мировоззрение строится всегда в процессе жизни и само является одним из наших орудий в жизненной борьбе. Мы говорим, что научные истины истинны тогда, когда они полезны, когда они помогают нам делать выводы, а эти выводы оказываются полезными для жизни. То же самое и относительно религиозных истин. Гипотеза о существовании Бога верна, если она нам полезна.

Исходя из этих принципов, строит Джемс свое религиозное мирозерцание. Оно несколько отличается от традиционной религии. И традиционную религию, и господствующие направления философии Джемс упрекает в монизме, в объяснении всех явлений из одного принципа. Между тем это невозможно. Из одного принципа мир объяснить нельзя. «Что-то, называйте это судьбой, случаем, свободой, волей, дьяволом, чем хотите, все еще не то, все еще остается иным, внешним, не включенным в единство вашей точки зрения, хотя бы вы были величайшим из философов»⁶.

Также не удовлетворяет Джемса монизм религиозный. Он слишком возвеличивает Божество и уничтожает мир. Спасение мира является в монистических религиях чем-то необходимым, predetermined, зависящим от абсолютного. В сравнении с абсолютным совершенно ничтожна роль мира и человека, процесс спасения совершается помимо ее. Религиозный монизм приводит к квиетизму, он принижает активную, волевою сторону человека.

Защищаемые им религиозные воззрения Джемс называет плюрализмом. Мир есть множество, он не может быть объяснен из единого божественного принципа. В этом смысле Джемс отстаивает точку зрения

политеизма. «Первоначальный политеизм человеческого рода только несовершенно и неясно поднялся до монотеизма. И сам монотеизм, поскольку он является религией, а не темой для университетских лекции, всегда видел в Боге только Покровителя, только *primus inter pares* среди других сил, которые решают судьбу мира»⁷.

В мире множество факторов, поэтому спасение мира вовсе не является чем-то предопределенным, чем-то необходимым, оно только возможно и возможно только при участии самых разнообразных факторов, а именно человеческих волей. Спасение мира, если оно произойдет, произойдет с помощью самого мира, а не извне. Монистическая религия оптимистична, она считает, что спасение мира предопределено, что оно непременно произойдет, плюрализм же только мелиористичен, он считает, что спасение мира возможно, но осуществиться оно может только при участии нашей воли. Поэтому плюрализм, верный принципам прагматизма, всю сущность религии видит в ее практической стороне, в ее возбуждающем и направляющем влиянии на нашу волю. Для рационализма мир есть законченное замкнутое целое, для прагматизма он находится в процессе становления и его окончательная форма есть дело будущего. Эту окончательную форму мир еще должен получить из рук человека. Прагматическое мировоззрение предоставляет полную свободу человеку, в то время как противоположные воззрения связывают его по рукам и по ногам идеей необходимости. Такова в кратком очерке религиозная догма Джемса.

Аналогичные идеи распространяли в Англии представители кружка личного идеализма. Гастингс Рашдаль и Шиллер учат существованию Бога, но Бога, ограниченного злом. Это напоминает религию Ормузда и Аримана, как плюрализм Джемса напоминает языческий политеизм.

В общем, прагматизм заставляет нас вспомнить о самых разнообразных учениях. Джемс называет прагматический метод новым именем для старых методов мысли. Он говорит: «Сократ был его приверженцем, Аристотель употреблял его постоянно». Но конечно особенно нужно вспомнить о софистах, о Протагоре.

В новейшее время самые разнообразные мыслители высказывали аналогичные взгляды. Всецело подчинял сознание воле Фридрих Ницше. Из пользы выводит познание Зиммель. Весьма близки к прагматизму взгляды Маха. Вот как Мах определяет законы природы: «По своему происхождению законы природы суть ограничения наших ожиданий, возникающие под давлением опыта» (*Erkenntniss und Irrtum*. — S. 449). Гельмгольц и Освальд выражаются иногда как истинные прагматисты. Прагматизм имеет точки соприкосновения с философией Бутру, *philosophie de la contingence*, со взглядами Пуанкаре. Бергсон постоянно говорит, что наше познание имеет практические цели, направлено в сторону пользы, а не в сторону истины. Чтобы подчеркнуть практический характер нашего рассудка, он предлагает называть человека не *homo sapiens*, а *homo faber*. Это ли не прагматизм? Это перечисление аналогичных и близких взглядов может быть продолжено *ad libitum*. Самые разнообразные тенденции европейской мысли могут быть прослежены в прагматизме.

1. Это традиционный эмпиризм и позитивизм английских классиков, и в этом смысле прагматизм является для английской мысли возвратом от Гегеля и Канта к Юму. Прагматизм родственен и позитивизму Огюста Конта, с его преобладающим практическим характером, с его выдвиганием на первый план идеи человечества и человека. Слова Огюста Конта «*La science d'ou prévoyance, la prévoyance d'ou action*» содержат в себе как бы девиз прагматизма.

2. На прагматизме отразилось влияние утилитаризма, который создавался в Англии и никогда не терял там почвы под ногами. Прагматисты проделали с истиной то же самое, что утилитаристы с нравственностью, свели ее к пользе.

3. Также несомненна в прагматизме и эволюционная тенденция. Эволюционисты стали рассматривать все явления жизни и духа, всю культурную и общественную историю, наконец, всю Вселенную как процесс развития. Прагматисты также выставляют динамическое и эволюционное понимание истины, смотрят на нее как на процесс, изменчивость и развитие. Они не знают или не признают абсолютной, законченной, статической истины, истина, по их мнению, относительна, изменчива, всегда в процессе становления.

4. Также сказался в прагматизме и волюнтаризм, так пышно расцветший в XIX в. Примат воли и действия над разумом — это основное положение и прагматизма и волюнтаризма. И самые разнообразные проявления этого волюнтаризма оказали влияние на прагматизм. Ограничьтесь одним примером. Так кантовский примат практического разума несомненно отразился на оправдании веры у прагматистов⁸.

5. Менее рельефно, быть может, влияние шотландской философии здравого смысла, но сам Пирс видит в ней один из главных источников своих воззрений.

Мы видели, что в прагматизме переплетаются самые разнообразные тенденции европейской мысли и, как бы мы ни относились к нему, мы не можем не признать в нем законное дитя современной культуры и неизбежный этап в истории философии. В нем отразился весь практический дух XIX в., все небывалое развитие опытной науки и техники, ускоренная эволюция человеческих обществ и обостренная борьба за существование среди них, капитализм и психика больших городов, но в нем выразилась и... вечная, присущая человеческой природе, как таковой, жажда религиозной истины. Прагматизм — это техника, которая объявила себя философией и притом единственной философией, это научный эксперимент, который объявил себя разумным умозрением. В прагматизме пропадает, стирается разница между риторикой и наукой, между инструментом и мыслью. Ведь и то и другое только рабочие принадлежности. И не есть ли прагматизм только талантливое *reductio ad absurdum* XIX в., только злая карикатура на него? Но в прагматизме выразилось еще и другое. В нем выразился национальный характер англичан и американцев, практические наклонности их ума... И не случаен, конечно, тот факт, что Америка, страна практическая *par excellence*, была родиной прагматизма.

IX.

Вопрос о прагматизме был поднят на конгрессе американским профессором Ройсом, читавшим на первом общем заседании конгресса речь: «Проблема истины в свете новейших исследований», которая была посвящена прагматизму.

Ройс видит три мотива, которые побуждают в новейшее время пересмотреть природу истины.

1. Первый мотив он называет «инструментализмом». XIX век был веком развития эволюционной доктрины. Под ее влиянием стали рассматривать всякую человеческую функцию, а, значит, и функцию раскрытия истины, как имеющую то или иное отношение к приспособлению человека к окружающей среде. Это и есть доктрина инструментализма. Ее главнейшее содержание в следующем. Истина свойственна известным идеям, мнениям постольку, поскольку они исполняют органическую функцию приспособления человека к среде. Так как наше приспособление к среде тем совершеннее, чем лучше мы можем предвидеть и контролировать будущее, то, значит, наши идеи и мнения верны в той мере, в какой они позволяют нам предвидеть и контролировать опыт.

Наши приспособления всегда относительны, зависят от нашей среды и наших потребностей. Поэтому ни одно мнение не может быть абсолютно истинным. Оно верно, если оно влечет за собой практический успех. Истина изменяется и растет. Истина может быть верной для одной цели и неверной для другой, верной в одно время и неверной в другое. Логика есть эмпирическая наука и находится в зависимости от психологии, биологии и социологии. Все научные теории будут только «рабочими гипотезами», они не открывают абсолютной истины, а только помогают нам предсказывать и контролировать опыт.

2. Другим мотивом для пересмотра понятия истины был индивидуализм. Последовательным индивидуализмом в теории познания был индивидуализм Ницше. Индивидуализм исходит из того положения, что истина не находится готовой, а вырабатывается нами, что человек создан для истины, а истина создана для человека. Поэтому истина относительна, зависит от данного человека и не столько от его объективного приспособления к среде, сколько от его субъективных чувств и намерений, от его потребностей. Она может быть выражена только в терминах его воли.

В прагматизме эти оба мотива тесно переплетены между собой, причем в одних случаях на первый план выступает инструментализм — объективное приспособление, как критерий истины, в других индивидуализм, где критерием истины будет субъект и его воля. Поэтому в прагматизме соединились две теории, которые необходимо различать.

Третьим мотивом для этих новых течений послужили новейшие исследования в области оснований математики и математической логики. То, что раньше в математике казалось бесспорным, теперь отвергнуто. Даны новые определения континуума, иррациональных чисел, оснований геометрии. Прагматистам показалось, что эти исследования уничтожили безусловную необходимость математических истин. Между тем это не-

доразумение. Новые исследования предполагают гораздо более строгий идеал искания истины, а, следовательно, более точное понятие о природе абсолютной истины.

Главным предметом новой логики послужила общая теория отношений. Никому, кто знаком с этими исследованиями, и в голову не придет утверждать, что наши знания этих отношений сами относительны, что они зависят от потребностей мыслящего субъекта или от его приспособления к среде. Напротив того, это абсолютная истина, и кто сомневается в существовании абсолютной истины, тот пусть изучит современную математику и точную логику.

4. Теперь мы должны попытаться дать синтез всех этих трех мотивов и сообразно с этим решить вопрос об истине. Ясно, что первые два мотива побуждают рассматривать истину с волюнтаристической точки зрения. Точно также и третий мотив ставит истину в известное отношение к воле, хотя это и неясно с первого взгляда. Абсолютные истины математики и логики являются необходимыми определениями нашей воли. Природа этих истин такова, что если мы начнем отрицать их, мы будем неизбежно приведены к тому, чтобы вновь признать их. Метод новой математики состоит в том, чтобы выяснить, каковы те сочетания идей, отрицая которые, вы будете противоречить сами себе. Пример этого метода дал Евклид, который показал, что, признав какое-нибудь простое число последним простым числом, мы этим самым получаем возможность найти еще новое простое число. Новая математика и точная логика строятся по этому методу и не знает о «непосредственной очевидности» старых теорий. Мы не можем отрицать эти истины математики и логики. Поэтому эти абсолютные истины представляют собой необходимую форму нашей воли. Ройс хочет дать синтез всех трех мотивов, получить определенные истины зараз, и волюнтаристическое и абсолютное. Это и будет абсолютный прагматизм. Он признает, что известные эмпирические истины зависят от приспособления индивидов, а также от их потребностей. Но он признает также и абсолютные истины как необходимые формы воли.

Недостаток времени помешал разгореться прениям о прагматизме после доклада Ройса. Такие прения, быстро принявшие бурный характер, начались сейчас же после доклада прагматиста Шиллера «Рационалистическое понятие о истине». Рационалистическими Шиллер называет все понимания истины, которые совпадают с прагматическим. Сущность их он видит в том, что истину определяют как совпадение идеи и действительности, истинными называют идеи, которые суть действительности. Такое определение абсурдно и бессодержательно, ибо мы всегда имеем дело с копиями и потому не можем определить, совпадают ли они с оригиналами. Рационалисты не дают никакого критерия истины. Такой критерий истины дает прагматизм. Истина какого-нибудь утверждения — в его последствиях, в его пользе. Истина несет на себе отпечаток человека, всегда является человеческой, слишком человеческой. Все то, что мы считаем истинным, самоочевидным, необходимым, суть только рабочие гипотезы. Нет аксиом, а есть его постулаты.

В своем докладе Шиллер употребил про «рационализм» выражение «болото глупостей». Это рассердило немцев, в особенности многочисленных среди них неокантианцев. Прения сразу приняли резкий характер. Шумное одобрение собрания встречали такие противопоставления: «Вот что говорят прагматисты, а вот что говорят мыслители». «Напрасно Шиллер называет свое учение гуманизмом, — продолжал тот же оратор, — это слово связано для нас с дорогими воспоминаниями, ему лучше было бы взять название “барбаризм”». Что касается до содержания возражений, то они сводились главным образом к двум пунктам.

Во-первых, указывали на неоригинальность прагматизма, приводили и цитировали писателей, придерживавшихся аналогичных взглядов. Таких, конечно, оказалось очень много: от старика Протагора до Гельмгольца, Зиммеля, Маха и Ницше. При этом ораторы особенно подчеркивали, что, дескать, все, что американцы и англичане выдают за новую философию, за открытие Америки, уже заключается в сочинениях немецких мыслителей. «На всем вашем прагматизме должна быть вычеканена марка *Made in Germany*», — сказал Ительсон.

Во-вторых, возражали против отождествления истины с пользой. На этом поприще разгорелся бесконечный диалектический турнир между Шиллером и его сравнительно немногочисленными защитниками, с одной стороны, и многочисленными оппонентами, с другой. Победителем из этого турнира вышел во всяком случае не Шиллер. Блестящий писатель, он оказался плохим спорщиком и мало что мог возразить на остроумную диалектику немецких оппонентов. Ему указывали, например, следующее. Если истина совпадает с пользой, то утверждение «данная истина полезна», для того чтобы быть истинным, само должно быть полезным. Чтобы доказать, что оно полезно, нужно признать, что утверждение этого утверждения полезно и т.д. Получается *regressus in infinitum*. Указывали, что Шиллер противоречит самому себе, выступая с докладом и логически его доказывая своим слушателям. Этим он признает абсолютный характер истины и ее принудительное, общеобязательное значение.

Оригинально было возражение Ительсона, который посвятил ему целый доклад: «Следует ли из ложного истинное?»

Прагматисты всегда утверждают, что истинность какого-нибудь предложения доказывается теми заключениями, которые из него вытекают и которые оправдываются на опыте. Но верность заключения не доказывает верность посылок. В подтверждение этого он приводит пример нелепых посылок:

*Все люди треугольники,
Треугольники смертны,*

получается истинное заключение:

Все люди смертны.

Это может быть не только при двух ложных посылах, но и при одной:

Все греки — поэты (ложн.).

Гомер — грек (истин.).

Закл.: *Гомер — поэт (истин.).*

Ительсон указывает, что это было известно еще Аристотелю, но неизвестно многим современным логикам. Раз из ложного можно выводить истинное, то неверно утверждение прагматистов, что истина оправдывается своими последствиями.

В этой дискуссии о прагматизме характерно то обстоятельство, что вся полемика велась только относительно Шиллеровского понимания прагматизма. Между тем на конгрессе были философы, называющие себя прагматистами, но придерживающиеся более осторожных взглядов Пирса. Они хранили глубокое молчание, не выступали в защиту Шиллера и даже иногда аплодировали его оппонентам. В силу этого дискуссия о прагматизме приняла несколько однобокий характер. Несмотря на неудачный исход турнира для Шиллера, дело прагматизма далеко не было проиграно. Не обошлось и без обращений. Так после одной дискуссии стали говорить, что в «прагматическую веру» обратился японский профессор Куваки, присутствовавший на конгрессе.

Х.

Несомненно, философские конгрессы сыграют в будущем большую роль в развитии философии. Слишком усложняются задачи философии, увеличивается число ее работников, расширяется поле ее деятельности. Философия перестает выходить, как Минерва, из головы великого мыслителя, она, как и наука, начинает разрабатываться коллективными усилиями многих. И вот для такой коллективной работы и будут важны философские конгрессы. На них могут сталкиваться различные течения, сближаться отдаленные точки зрения, на них философия может вступать во взаимодействие с наукой (математикой, естествознанием, науками культурными и историческими). Как и все коллективное, конгрессы должны быть коррективом к той узости индивидуальности, которая так неизбежна при всяком личном творчестве и которая представляет и главную прелесть, но и Ахиллесову пяту всех великих единоличных систем. Если человечество идет навстречу к выработке какого-нибудь грандиозного умственного синтеза, охватывающего все стороны его духовной жизни, то и тут немаловажную роль должны сыграть философские конгрессы. Философия, по красивому выражению Виндельбанда, является самосознанием жизни, тогда не будут ли философские конгрессы самосознанием философии?

Но в теперешней организации конгрессов имеются важные недостатки, которые следовало бы устранить в будущем.

Участники конгрессов теряются в массе случайных и разрозненных рефератов, с содержанием которых они заранее не знакомы. В силу этого прения принимают тоже случайный, непланомерный характер, часто

идут не по существу вопроса, а касаются второстепенных подробностей. Невольно иногда возникает вопрос, почему не прочитать этот реферат в философском журнале, зачем его слушать на конгрессе?

Было бы гораздо целесообразнее, если бы заранее намечались программные вопросы, и по ним читалось бы несколько рефератов с различных точек зрения, а содержание или тезисы этих рефератов были бы заблаговременно отпечатаны⁹.

Философия есть спор, спор о мире, состязание разных точек зрения, и таким спором и таким состязанием, только планомерно организованным, должен являться философский конгресс.

Очевидным доказательством этого служит Гейдельбергский конгресс. Как раз наиболее интересным и наиболее поучительным моментом его являлись прения о прагматизме, т.е. тот момент, когда столкнулись разные точки зрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Окончание. Начало см.: Философские науки. 2012. № 5.

² Недаром Джемс посвятил свой труд *Pragmatism* памяти Джона Стюарта Милля, на которого раньше он нападал так резко.

³ *James. Pragmatismus*, deutsch von Jerusalem. – 1908. – S. 51.

⁴ *Ibid.* – S. 174.

⁵ *Ibid.* – S. 192 – 193.

⁶ *Джемс*. Зависимость веры от воли. Предисловие, IV.

⁷ *James. Pragmatismus*. – S. 192

⁸ Да и вообще, Кант оказал влияние на прагматизм. Сам Пирс приписывает происхождение этого учения упорному размышлению над «Критикой чистого разума».

⁹ На втором философском конгрессе это было отчасти осуществлено: там читались параллельные доклады на одну и ту же тему.

Источник:

Журнал Министерства народного просвещения. 1909 год.
(Орфография и пунктуация источника сохранены.)